
Рецензії

Значимый результат в философии науки и методологии историко-научного исследования

Историография естествознания на рубеже нового тысячелетия. — СПб.: РХГА, 2008. — 520 с.

Специфика проявления процессов диалога культур в современном мире, науке и образовании связана с возрастающей ролью рефлексивного сознания. Рефлексия — это осмысление собственных действий и их законов, деятельность самопознания, самоанализ. С помощью такой рефлексии становится возможным признание ценности различных культурных миров как предпосылки их диалога. Составляющими элементами рефлексии являются: историко-культурная реконструкция знания, позволяющая представить знание в жизненной пульсации движения, становления; активное участие в поисках истины самого познающего субъекта, его заинтересованность в этом процессе; представление содержания знания в виде проблем, где каждая из них выступает способом упорядочения и организации информационного поля науки и дает возможность представить содержание науки в жизненной пульсации ее противоречивых сторон. Повышают уровень рефлексивности знания и современные информационные технологии: информатика, как и математика, обладает высокими рефлексивными потенциями.

Процессы самопознания не обошли и историю науки, которая не может быть основана на одной монологической дисциплинарной практике. Чтобы полностью реализоваться, она, сохраняя внутреннюю идентичность, нуждается в достаточно широком диапазоне методов. Тем не менее существует мнение, что ввод новых методологических артикуляций в историографию теоретически дестабилизирует ее, даже если и способствует решению ряда проблем исторической науки, например, проблемы отношения между историческим текстом и контекстом.

Культура постмодерна и инодисциплинарные «вызовы» стимулируют пересмотр и модификацию категорий исторического анализа, серьезную методологическую рефлексию. Одна из центральных проблем исторического познания, которые выдвинул постмодерн, — проблема исторического опыта. Эта проблема многослойна и неоднозначна. В конструктивном плане исторический опыт, или опыт прошлого, есть историческая память, вос-

создающая внешний опыт людей, фактически участвовавших в некоторых исторических событиях. Историческая память преобразует этот опыт в нарратив. Главная же цель опыта историка, напротив, состоит в том, чтобы проникнуть в значение того, что он сам не испытал, и что он поэтому вынужден восстанавливать на основе многократного повторения, включая в этот процесс в лучшем случае следы опыта других историков.

Лингвистический поворот в историографии развернул историков к языку как первичному, активному, непрозрачному и наиболее значащему элементу их работы в противовес его пониманию предшествующей историографией как вторичного и пассивного. Лингвистический поворот предложил рассматривать историографию как сложный артефакт языка. Тем не менее нельзя сказать, что в результате историография обрела новые когнитивные формы. Ключевые трудности историографии с позиций лингвистического поворота сконцентрированы вокруг проблем: что такое опыт прошлого; каковы способы придания значения историческим текстам; каков язык изложения исторических текстов; каково место исторической риторики в историописании; в чем суть исторической референции; как возможно получить и исследовать опыт прошлого; как возможно детерминировать работу историка не анализом свидетельств, а анализом языка; как понимать язык, если рассматривать его как конститутив исторического исследования.

Это лишь краткий перечень проблем, которые возникли как перед историографией вообще, так и перед историографией науки в последние десятилетия. Часть из этих актуальных методологических проблем, а также некоторые, не упомянутые выше активно обсуждаются на длительно работающем межинститутском семинаре институтов истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова и философии РАН. Фактически в рамках этого семинара сформировался неформальный коллектив, обсуждающий актуальные вопросы методологии и историографии естествознания. Рецензируемая коллективная монография является третьей в серии книг, в которых представлены материалы

семинара. Знаковым является также тот факт, что работа семинара и издание книг, выпущенных по итогам его работы, были поддержаны Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом. Все это позволило получить весьма весомые результаты, которые открывают новые горизонты осмысления историографии естествознания в связи с критически осмысленным опытом философии науки XX века. Предыдущие две книги — «Принципы историографии естествознания: теория и история» (М., Наука, 1993) и «Принципы историографии естествознания: XX век» (СПб.: Алетейя, 2001) — нашли своего читателя среди исследователей, а также используются при подготовке аспирантов по новым программам.

В рецензируемой книге главное внимание обращено на такие важные для концептуальной историографии проблемы, как выбор единиц анализа науки, преимущества и недостатки различных единиц анализа; новые тенденции в понимании объективности исторической реальности и истинности историко-научного знания; пределы рационального соотношения когнитивного и социального в современной историографии науки. Но авторы в статьях, составляющих коллективную монографию, далеко выходят за пределы этого круга проблем.

В статье А. П. Огурцова «Философия науки XX в. и историография науки: основная линия и новые тенденции в их взаимоотношениях», открывающей книгу, дана широкая панорама развития философско-методологической мысли XX в.

Основное внимание уделено коммуникативному повороту в философии науки, открывшему возможность интерпретации знания в контексте коммуникативного действия и обозначившему переход к новым формам анализа науки — к дискурсивным практикам.

Много внимания в книге уделено изменениям в понимании научной рациональности и ее места в структуре социальных ценностей. Выясняются различия в понимании предмета и метода в исследованиях, которые образуют новые направления в науке. Ценность научной рациональности (истины и методов ее достижения) значима на объектном уровне в пределах деятельности научного сообщества (И. С. Тимофеев).

Проанализированы трудности, встающие в связи с применением классического понятия истины к оценке научных теорий и законов, которые привели к отказу многих философов науки и историков от понятия истины, к распространению в конце XX в. релятивизма в отношении научных теорий и историографических описаний (А. Л. Никифоров). Хотя, как отмечал В. И. Вернадский, история науки будет переписываться каждым новым поколением историков, тем не менее историографические описания обладают не меньшей степенью достоверности, чем сами научные теории, поэтому понятия достоверности, обоснованности и истинности применимы здесь в принципе так же, как и в любой научной дисциплине.

Выдвижение на передний план в историко-научных исследованиях эмпирических исследований обостряет проблему субъекта научного знания. Обсуждается вопрос возникновения нового типа научной рациональности с использованием идеализации субъекта научной деятельности в форме наблюдателя (Л. А. Маркова).

Прослежены основные тенденции в развитии феноменологического подхода к естествознанию и его истории, начиная с рубежа XIX—XX вв. до рубежа XXI в. (Б. А. Старостин). Использование феноменологических методов в историографии естествознания выразилось в интегративном восприятии науки как одного из феноменов культуры, в ряде методологических новаций, в сближении рациональной и эмпирических линий в историографии науки.

Особое внимание уделено новым тенденциям, изменениям концептуальной обстановки в историографии науки в начале XXI в. Так, в истории математики, наряду с доминировавшим направлением исследований — историей математических идей, началась активная работа в таких направлениях, как динамика развития математического сообщества, эволюция математики как социального института, роль математики в формировании мировоззрения,

социальной истории математики, усилившаяся интеграция историко-математических исследований с современными изысканиями по философии математики (С. С. Демидов). Осуществлен сравнительный анализ сдвига проблем в соотношении социальных и когнитивных аспектов развития и в понимании предмета историко-научных исследований по истории физики, выявлены методологические и историографические концептуальные установки, ставшие характерными для историографии физики на рубеже XXI в. (Вл. П. Визгин).

Несомненный интерес для тех, кто преподает историю науки в высшей школе, могут составить размышления Ю. С. Воронкова относительно дисциплинарности истории науки в условиях новых образовательных сред, выяснение места и роли истории науки в современном образовательном процессе, выстраиваемом по принципу проблемно-задачного обучения с погружением в новые педагогические и информационно-коммуникационные технологии, с обоснованием возможности существенного уменьшения недостатков дисциплинарной организации и управления знаниями в образовании за счет новых психолого-педагогических моделей освоения всеобщей истории науки.

Значительный материал монографии посвящен проблемам уточнения понимания критериев научного знания и понятий науки с учетом социально-деятельностных и аксиологических аспектов, постановке в центр внимания понятий

«научная деятельность», «научное сообщество», применению в историографии естествознания методологии и методик социологии науки, науковедения, наукометрии.

Представляют интерес приложенные к книге хроника событий в историографии естествознания в России (1995—2005 гг.) (составитель С.С. Илизаров) и список награжденных медалью им. Александра Койре, присуждаемой Международной академией истории наук за лучшие работы в этой области (составитель О.В. Севастьянова).

Книга «Историография естествознания на рубеже нового тысячелетия» — прямое продолжение реализации долговременной программы, главная цель которой исследовать основные тенденции развития историографии естествознания, изменения и сдвиги, которые произошли в установках исследователей, в принципах и методах истории науки в XX в. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся современными проблемами философии и историографии науки, может быть рекомендована студентам и аспирантам при изучении особенностей классической, неклассической и постнеклассической науки, основ современного научного мировоззрения. Изданное под редакцией профессора И.С.Тимофеева трехкнижие по проблемам историографии естествознания в XX веке представляет собой несомненный вклад в разработку философии науки и методологии историко-научного исследования и будет полезно специалистам в этих областях.

*В.И. Оноприенко,
д-р филос. наук, проф.*

Серьезный вклад в разработку философско-методологического наследия В.И. Вернадского

*Мочалов И.И., Оноприенко В.И. В.И. Вернадский: Философия.
Наука. Человек. — М.: ИИЕТ РАН, 2008. — 408 с.*

Из колоссального, до сих пор не охваченного в полном объеме (вышло пятнадцать 50-листовых томов «Библиотеки академика В.И. Вернадского», но издание продолжается) творческого наследия В.И. Вернадского чаще всего вспоминается его концепция ноосферы, многократно интерпретировавшаяся, но все также далекая от разрешения как научная проблема. Вернадский впервые сформулировал естественнонаучные основы разработки проблемы ноосферы как обобщающей картины эволюции земной биосферы, управляемой мыслящим «в планетарном аспекте» человечеством.

В наше время подход Вернадского часто подвергается критике, прежде всего за «наивность» идеи

неизбежности наступления ноосферы, которую не могут остановить никакие исторические случайности, а также за то, что она представляет собой естественную и необходимую стадию в развитии Земли.

Однако Вернадский выдвинул идею «автотрофности человечества» как раз для предупреждения проявления разных катаклизмов в системе «человечество — биосфера». То же можно сказать об идеях Вернадского о тенденциях волнообразного развития ноосферы, о национальных и интернациональных формах существования человеческих сообществ в связи с наступлением ноосферы.

Идеи ноосферы, выдвинутые Вернадским в 1930-е годы, не вызвали тогда интереса со стороны